

УДК 340

**ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА
В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1941 - 1944)**

д-р ист. наук, проф. Б.Н. КОВАЛЕВ

(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия)

Рассмотрена деятельность различных полицейских формирований, создававшихся гитлеровцами из местного населения и действовавших в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Советского Союза. В их задачи входило оказание содействия нацистам, борьба с антифашистским сопротивлением.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории нашей страны действовали многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы захватчиков: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти немецкие органы активно использовали местную «вспомогательную полицию». Формально вспомогательная полиция подчинялась сельскому старосте или бургомистру, а в городах и крупных населенных пунктах - городской управе. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под контролем германских комендатур, гестапо и т.д.

Вспомогательная полиция называлась в России «стража порядка», «служба порядка» или «организация самозащиты», а в Белоруссии - «самаахова» и «полицейские батальоны». Эти подразделения занимались наведением внешнего порядка, надзором за выполнением различных запрещений, ограничений и приказов, слежкой за антинемецкими элементами, участвовали в борьбе против партизан, в проведении репрессий и погромов. Немецко-фашистские захватчики хорошо осознавали, что только при активном взаимодействии с людьми, вставшими на путь измены родине, можно максимально использовать потенциал оккупированных территорий.

Развязав войну против Советского Союза, Германия не планировала использовать его население в качестве военного союзника. Отработанная система пропагандистских мероприятий под общим лозунгом «Гитлер - освободитель» изначально носила декларативный характер.

Однако полностью отказаться от привлечения мирного населения и некоторых военнопленных к полицейским функциям оккупанты были не в состоянии. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным знанием немцами местных условий, а с другой - относительной слабостью тыловых гарнизонов, их удаленностью друг от друга.

Так, для контроля над захваченной территорией уже с августа 1941 года германские вооруженные силы начали создавать «службу порядка». В её задачи, как следует из устава службы, входило «поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие [оккупантам] при выполнении уголовно-полицейских поручений, в особенности информирование СД и полиции безопасности, обо всех фактах противогосударственной деятельности» [1].

Городское полицейское управление имело следующие отделения: паспортное, уголовно-следственное, политическое, охраны порядка, пожарное. В городах, имеющих районное деление, городскому полицейскому управлению подчинялись районные полицейские управления. Последним подчинялись полицейские участки, имеющие в своем составе квартальных полицейских. Полицейские функции возлагались также на домоуправов, комендантов домов или домовых уполномоченных. Так, в Смоленске домовые уполномоченные выполняли следующие обязанности: сбор квартплаты; наблюдение за приходом и уходом квартиросъемщиков; выявление новых лиц в квартирах; наблюдение за пропиской жильцов; сбор и сдача властям советских листовок, сброшенных с самолетов.

Кроме чисто контрольных функций, полиция (так сразу же стали называть представителей «службы порядка» мирное население) были обязаны оказывать содействие старостам и волостным старшинам в доставке, расклейке и распространении немецких приказов, листовок, газет и плакатов [2].

Для выполнения отдельных полицейских функций в принудительном порядке привлекались и мирные жители, не состоящие на постоянной службе в полиции. Так, например, велосипедисты мобилизовывались для сбора листовок, сброшенных с советских самолетов. Сельские жители привлекались для охраны железнодорожных путей и т.д.

Численность вспомогательной полиции определялась из расчета 1 % от населения данного пункта, а в небольших селах и деревнях - по усмотрению немецких властей.

Изначально представители «службы порядка» не имели права носить оружие (вооружались деревянными палками), форму (знаком отличия была повязка на рукаве) и производить аресты без санкции германских властей [3]. На все просьбы об их вооружении немцы отвечали категорическим отказом [4].

В различных регионах оккупированной вермахтом России полицейские подразделения формировались по-разному. Были города, где они создавались по инициативе местного населения (например, Локоть Орловской области). Но в большинстве случаев их образование было связано с деятельностью нацистов.

Так, в Старой Руссе немецкий комендант города Мосбах предложил бургомистру Невскому «подобрать на должность начальника городской полиции надежного человека не только в политическом отношении, но и нерусской национальности, например, из латышей или эстонцев». Последнее было вызвано тем, что «русский стал бы сводить счеты со своими недругами» [5]. Было решено использовать для этой работы местного эстонца Кютта А.К. В 1949 году (арестованный советскими органами государственной безопасности) он так описал процесс вербовки его в полицию: «При беседе интересовались моими политическими убеждениями, национальностью, моим отношением к немцам. Я говорил, что к советской власти и большевикам отношусь враждебно, что я, будучи эстонцем, советской властью притеснялся и к приходу немцев отношусь как к освобождению. После этого Мосбах вручил мне анкету, которую я должен был заполнить и заверить двумя поручителями, пострадавшими от советской власти. Кроме этого, я должен был написать подробную автобиографию» [5].

После предъявления анкеты, заверенной двумя поручителями, каждый поступавший на службу в полицию давал специальную подписку: обязательство честно служить фашистской Германии и бороться против советской власти.

Кютт и его помощники составили два списка: один - на евреев; другой, общий список, в котором значилось более 100 человек политически для немцев неблагонадежных.

Старорусская уездная полиция строилась следующим образом: при каждом волостном правлении был урядник, во всех деревнях, входивших в волость, было по одному полицейскому. Урядникам назначался оклад в размере 300 рублей в месяц, а рядовые полицейские, работая бесплатно, пользовались большими льготами у немецких властей, в частности, с них не брали никаких налогов, им выдавалась лучшая земля, вместе со старостами они являлись фактическими хозяевами в своих деревнях.

К концу декабря 1941 года в аппарате уездной полиции работало около 60 - 70 урядников и полицейских [6].

Во главе полицейской службы соседнего со Старой Руссой Новгорода был поставлен Расторгуев Н.Я., до революции служивший полицейским в Санкт-Петербурге. Задержанный советскими органами государственной безопасности, на допросе 16 ноября 1947 года он показал: «Отправившись в городскую управу, я предложил свои услуги для работы там. Тут же я предъявил им свою справку о том, что я был при советской власти репрессирован, осуждён и отбывал наказание сроком на 10 лет. Заявил, что я был обижен советской властью. Меня тут же назначили начальником охраны города Новгорода, передав мне в моё непосредственное подчинение 10 человек полицейских» [7].

К октябрю 1941 года оккупантам стало очевидно, что собственными силами осуществлять тотальный контроль за населением, эффективно бороться с силами сопротивления они не в состоянии. В начале ноября 1941 года в городской управе состоялось собрание, на котором выступил с речью немецкий городской комендант и предложил реорганизовать полицию, подчинив её непосредственно оккупационным властям. После этого собрания всем полицейским были выданы немецкой комендатурой специальные удостоверения за подписью коменданта.

Полицейские должны были усилить несение службы по обеспечению безопасности германских войск, расположенных в городе, т.е. вести борьбу с нежелательными немцам лицами. Для этой цели Расторгуев получил девять боевых винтовок. Городская управа стала постоянно охраняться, а всех полицейских вооружили наганами. На рукаве они обязательно носили повязки с надписью «полицейский».

В новые функции «охраны города» вошли следующие: несение охраны города и поддержание порядка, установленного немцами; аресты коммунистов и советского актива; обыски на квартирах; изъятие у населения продовольствия, вещей и ценностей [8].

Сразу по назначении на должность начальника полиции Расторгуев приступил к созданию полицейского аппарата. Им было подобрано 20 человек полицейских и штат тюрьмы, начальником которой был назначен Барташевич, до августа 1941 года отбывавший наказание на торфоразработках около Новгорода. Первое время полиция располагалась в подвалах городской управы, а потом переехала в Дом культуры, и там же была образована тюрьма. В тюрьме находились арестованные советские граждане - бывшие партийцы и советский актив, кроме того, там сидели люди, уличенные в воровстве, а также отка-

зывавшиеся работать на немцев. Начальник полиции имел право давать санкции на обыск и арест, без нее никого нельзя было арестовывать и отправлять в тюрьму. При допросах полицейские систематически применяли физическую силу и избивали арестованных.

Будучи допрошенной в качестве свидетеля о преступной деятельности своего мужа, второго бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 года, Раиса Морозова 15 ноября 1947 года показала: «В октябре 1941 года, числа 11-12, Расторгуев пришёл к нам на квартиру и говорит: «Нужно организовать арест Силантьева Василия». На второй день после этого Силантьев был арестован и в деревне Григорово расстрелян. Кроме того, Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, наконец, он дожидается времени, когда можно жить по-настоящему и есть возможность лично, собственными руками отомстить большевикам-паразитам. Мне также известно, что он обирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование» [9].

Первым помощником Расторгуева был Обтемперанский И.С. Он сам пришел в городскую управу, где отрекомендовался как бывший штабс-капитан, имеющий награды (георгиевское золотое оружие и офицерские ордена), а также высшее образование. В подтверждение этих слов им были предъявлены до-революционные фотографии. «И я», - сказал он, - «очень хочу устроиться на службу в полицию для более активной борьбы с большевиками и их пособниками» [9].

Полицейские работали в тесном сотрудничестве с гестапо. Русским сотрудником данной организации с сентября 1941 года стал Борис Филистинский. Предполагалось, что все лица, заподозренные в связях с советским подпольем, относятся к ведению только тайной государственной полиции рейха. При выявлении полицейскими таких людей о них докладывалось Филистинскому. Последний выделял нескольких вооруженных немецких солдат, и люди, выражавшие недовольство нацистским оккупационным режимом, арестовывались и доставлялись в немецкую комендатуру для разбирательства. Многие арестованные после этого бесследно исчезали.

Наибольшее рвение в борьбе с просоветскими настроениями проявлял Обтемперанский. Выступая перед полицейскими и дворниками, он неоднократно говорил о том, «что нужно активизировать выявление коммунистов и передавать их на расправу немцам. Нечего их жалеть» [10].

Рядовых полицейских мог принимать на работу как городской голова, так и представитель гестапо. Брели только тех, кто мог доказать, что у него есть причины ненавидеть советскую власть: был репрессирован, пострадал после революции или во время коллективизации и др.

Полиция, получая указания от немецкой комендатуры или Филистинского, занималась не только арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и собирала вещи, оставшиеся без хозяев в городе. Собирались они в один склад, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Частично вещи отправляли в Германию.

В сентябре 1941 года в городе начались восстановительные работы. Они были направлены в первую очередь на обустройство германских частей. Кроме этого, к первоочередным объектам были отнесены тюрьма и Софийский собор. Работы эти проводились силами советских граждан, насильно согнанных полицейскими. Использовались здесь также и арестованные.

Полиция в Новгороде делилась на городскую, состоящую из семи участков, во главе которых стояли участковые «стражи порядка», и на районную полицию, состоящую из двух участков: Панковско-го и Ракомского. На этих участках было по два-три полицейских во главе с начальником. Вначале они подчинялись начальнику полиции, а затем - непосредственно немецкой полицейской комендатуре.

В самом городе русская полиция функционировала только на Софийской стороне. На Торговую сторону их деятельность не распространялась, так как она полностью находилась в управлении немцев. Во главе каждого участка стоял участковый полицейский и надзиратель, который имел в своем ведении контору с вывеской и штат дворников, обычно три-четыре человека. За свое официальное сотрудничество с полицией дворники получали жалование. Предполагалось, что они смогут оперативно выявлять лиц без документов или людей, заподозренных в связях с подпольем или партизанами.

Немалое содействие полиции оказывали добровольные помощники из числа обывателей. Многие из них, обиженные советской властью или желавшие выслужиться перед оккупантами, добровольно приходили в городскую управу, гестапо или полицию и доносили на членов ВКП(б) и комсомола, не успевших эвакуироваться, а также на лиц еврейской национальности [11].

Все полицейские ежедневно в 9 часов являлись на доклад к начальнику полиции и сообщали о всех происшествиях на их участках за ночь, и тот давал им указания, полученные от немецкой комендатуры. После получения информации о положении в городе начальник полиции отчитывался перед немецким военным комендантом.

Номинально предполагалось, что полиция находится в двойном подчинении: как член управы Расторгуев подчинялся городскому голове, а как начальник полиции - военному коменданту. Но на практи-

ке реальная власть была лишь в руках германских оккупационных служб. Так, пропуска на право круглосуточного хождения по городу сами полицейские и члены управы получали в немецкой комендатуре.

Всего в Новгородской городской полиции к ноябрю 1941 года числилось свыше 30 человек.

В сельской местности, удаленной от линии фронта, представители русской коллаборационистской администрации пользовались большими правами, чем в городе. Они обеспечивали порядок, собирали налоги, выступали посредниками между гражданским населением и немецкими оккупационными службами. Так, в Новгородском районе для свободного передвижения между деревнями требовалось наличие справки, подписанной старостой или полицейским. За единовременный пропуск взималась плата 3 рубля советскими деньгами.

Места заключения создавались в самих деревнях. Повсеместно они получили название «бункер». В бункера забирались люди за невыполнение распоряжений немецкой и русской администраций, за грубое обращение со старостой, за несвоевременную поставку продуктов [12].

Так, в приказе № 185 по Локотскому управлению (Орловская область) от 23 июня 1942 года говорилось о том, что при распределении бывшего колхозного имущества его должны отдавать «в первую очередь... работникам полиции, раскулаченным, пострадавшим от партизан, сотрудникам (управы)...» [13].

Несмотря на все эти льготы, не во всех сельских районах оккупантам удалось оперативно создать полицейскую службу. Иногда вербовка в полицию проводилась обманными путями. В некоторых населенных пунктах к несению охраны привлекались все крестьяне по очереди. Через некоторое время «добровольной охране» давались одна-две винтовки на населенный пункт, как говорилось, «для порядка». Далее намечались полицейские, занимавшие эту должность в порядке очереди.

Вскоре временных полицейских «в условиях военного времени» делали постоянными. Затем полицейских внезапно забирали для участия в различных акциях: облавах на партизан, расстрелах евреев и коммунистов. Последнее проходило публично. «Крещение кровью» подкреплялось продуктовыми пайками, самогоном, вещами, награбленными во время арестов.

Пленных красноармейцев принуждали вступать в полицию, угрожая отправкой в концлагеря и расстрелом.

Летом 1942 года немецкое руководство полиции г. Минска начало формирование 49-го белорусского полицейского батальона в Острожицком городке. Комплектация батальона проводилась насильственным методом: начальники полицейских округов хватали молодых белорусов и отправляли их под конвоем в место формирования. Таким образом, было собрано две тысячи человек.

Батальоном командовали немцы на немецком языке, а новобранцы не понимали ни слова. Из-за отсутствия взаимопонимания немцы стали избивать солдат, результатом чего стало дезертирство. После нападения советских партизан остатки этого подразделения в панике разбежались [14].

Следует отметить, что практически везде оккупанты стремились переложить расходы на содержание полиции на мирных жителей. Так, командование группы армий «Центр» обязывало русскую администрацию в каждой деревне (до 50 семей) иметь, как минимум, одного полицейского. Каждый полицейский получал рубль в месяц с каждого дома [15].

Руководство и контроль за деятельностью полицейских участков возлагались на городскую полицию. По указанию немецкого коменданта городская полиция должна была иметь: начальника городской полиции; двух его заместителей - один заместитель по политической части, другой - по хозяйственным вопросам; следственный и паспортный отдел.

Предполагалось, что после двух-трех месяцев работы хорошо зарекомендовавшие себя полицейские будут отправлены учиться на специальные курсы по повышению квалификации. Наиболее крупный «центр по подготовке стражей порядка» действовал в Смоленске. Обучение там, в течение трех месяцев, проходили полицейские города и округа [16].

Повсеместно наибольшие надежды фашисты возлагали на ту часть полицейских, которые были репрессированы советской властью. Кроме бывших уголовников, среди них были люди, пострадавшие во время коллективизации и репрессий 1937 - 1938 годов. Так, заместителем начальника полиции в Таганроге был бывший полковник царской армии Степанов, в г. Феодосии в полиции служил грузинский меньшевик Барамидзе, начальником полиции в Белгороде стал бывший инженер маслозавода Белых, пострадавший в конце 30-х годов от советской власти [17].

Функции полиции были весьма разнообразны - от поддержания порядка на улицах и выявления уголовных преступников до борьбы с «подрывными элементами». На начальников участков возлагался систематический контроль за санитарным состоянием города, чистотой улиц, благоустройством дорог, фасадов домов, заборов и т.д. Но все-таки главная задача полиции заключалась в том, чтобы выявлять всех коммунистов, комсомольцев, активистов, просоветски настроенных людей и арестовывать их, вести

беспощадную борьбу со всеми нарушителями режима, установленного немецким военным комендантом в городе и уезде, и обеспечивать условия, исключаяющие всякую возможность проникновения в расположение немецких войск партизан, советских разведчиков и других подозрительных оккупантам лиц [18].

В каждом населенном пункте немцы поручали сельскому старосте или бургомистру через полицейских составить два списка местных жителей. В первый список заносились лица, прибывшие после начала войны (беженцы, сезонные рабочие и т.п.). При этом туда вносились только те люди, которые имели исправные личные документы и за благонадежность которых бургомистр или его ближайшее окружение могло поручиться.

Выявленных среди пришлого населения командиров и красноармейцев, отставших от своих частей, партизан и их помощников, советских разведчиков и парашютистов немцы отправляли в лагеря военнопленных или расстреливали. Прочих людей, которые не вызвали у них доверия, оккупанты отправляли в лагеря или в рабочие колонны.

Во втором списке полицией регистрировались постоянные жители данной местности. В него вносились только те лица, которые не вызвали у бургомистра и немецкой комендатуры каких-либо подозрений. Но были и исключения. Так, после взятия Севастополя все оставшееся в городе гражданское население было объявлено военнопленными.

Жители, занесенные в списки, получали удостоверения личности сроком на два-три месяца, после чего удостоверение могло быть продлено только в том населенном пункте, где оно выдавалось. За несвоевременный обмен удостоверения виновные штрафовались. Удостоверения составлялись на русском и немецком языках, имели фотокарточку владельца и немецкую печать; вторая фотокарточка оставалась у бургомистра или у начальника полиции. В удостоверении отмечались внешние данные владельца: телосложение, рост, цвет волос, глаз, особые приметы.

На удостоверениях лиц, прибывших в данный пункт после начала войны, ставилась буква «F» («Fremdling») или русская буква «Ч» («Чужой»),

Вместо выдачи удостоверений иногда производилась вклейка в советский паспорт дополнительного листка с описанием примет владельца документа; эти данные также заверялись подписью коллаборационистского чиновника или немецкого офицера и печатью. В некоторых сельских местностях немецкие власти присваивали каждому жителю номер и обязывали носить на шее бирку с этим номером. При выезде из деревни на лошади этот же номер писался на дуге. Кроме того, список жителей с указанием присвоенных им номеров должен был быть вывешен на воротах каждого дома.

В городах вводились домовые книги и обязательная прописка вновь прибывающих. Повсеместно запрещалось предоставление кому бы то ни было ночлега без разрешения бургомистра. За нарушение налагались денежные штрафы до 500 рублей. Чтобы выявить людей, поддерживающих связь с партизанскими отрядами и снабжающих их продовольствием, одеждой и т.п., немцы систематически проводили обыски и облавы. В тех районах, где партизаны действовали наиболее активно, подобные мероприятия проводились регулярно, в разное время суток. В Пскове, например, летом 1943 года облавы проводились 10 - 12 раз в день.

Немецкая пропаганда всячески подчеркивала, что «уголовники-урки» являются лучшими друзьями большевиков, поэтому борьба с ними есть «выжигание каленым железом еще одного порочного пятна большевистского прошлого» [19].

При этом полицейская служба также занималась и вопросами злоупотреблений в приобретении объектов недвижимости. В первые недели оккупации нашлись предприимчивые люди, которые решили, что заявления немцев о возрождении «Новой России без жидов и коммунистов», а также частной инициативы соответствуют действительности. Начался процесс раздела собственности, в котором активное участие приняли сотрудники «новой русской администрации» и их ближайшее окружение. Через некоторое время встал вопрос о переделе собственности. К его решению были привлечены следователи полиции.

Так, всего за месяц (с 3 сентября по 11 октября 1941 года) городской управой города Старая Русса были проданы частным лицам городские строения, имеющие производственное значение, всего - 36 строений на общую сумму 18 тыс. 400 рублей. Строения продавались в большинстве случаев без осмотра и, соответственно, без составления технических расчетов, по приблизительной оценке ряда работников управы. В результате этих действий некая госпожа Аксенова стала владельцем электростанции со всем оборудованием, а господин Васильев получил во владение гончарный завод.

Следственная комиссия, куда вошли представитель полиции и контролер городской управы, проверила правильность оценки 25-ти строений. Их осмотрели и установили действительную стоимость, с учетом размера износа и сохранности отдельных элементов зданий, по техническим нормам и

ценникам 1932 - 1940 гг. При этом оказалось, что действительная стоимость этих объектов исчислялась в сумме 75 400 рублей.

Следствие установило случаи прямого злоупотребления со стороны должностных лиц, участвующих в совершении сделок. Выяснилось, что инженеры Дробницкий и Захаров произвели продажу городского имущества не по его действительной стоимости, а по приблизительной, явно заниженной. Все это стало возможным при активном участии городского головы Быкова, его заместителя Чурилова и заведующего отделом снабжения Жуковского. К началу разбирательства они были освобождены от занимаемых должностей как несправившиеся с работой. Новоявленными капиталистами стали в большинстве случаев их родственники или друзья. Новый состав управы такое положение дел не устраивало.

По представлению полиции были аннулированы шесть сделок, 21 сделка оставлена в силе как неподдающаяся проверке из-за уничтожения объектов, по семи сделкам предлагалось потребовать доплату от покупателей по действительной стоимости незаконно приобретенных новыми русскими предпринимателями объектов.

Но заключение по этому делу было следующим: «Учитывая сложную обстановку военного времени, при которой протекала работа управы в первые месяцы после реорганизации, и принимая во внимание объяснение вышеперечисленных работников о том, что они руководствовались стремлением предотвратить расхищение построек населением, полагаю нецелесообразным применять суровые меры взыскания. Оставляю данный вопрос на рассмотрение начальника округа. Вместе с тем нахожу, что, во всяком случае, материальный ущерб должен быть возмещен лицами, причинившими вред интересам города» [20].

К 1942 году оккупанты наладили поставку в полицейские участки бланков, отпечатанных в типографии. Это облегчало ведение их практической деятельности. Так, в бланке протокола допроса имелись следующие графы: фамилия, имя, отчество, национальность, пол, возраст, образование, партийность, отношение к воинской службе, репрессировался ли советской властью, словесный портрет, особые приметы [21].

Активизация партизанского движения заставила оккупантов искать новые формы организации полицейской службы, в первую очередь, в деревнях. Весной 1942 года в центральных областях России публикуется «Положение о работе сельских дружин мира и порядка».

В «дружину мира и порядка» призывали вступать всех мужчин старше 18 лет, коренных жителей села. Основной целью данной организации называлось содействие тому, «чтобы каждая крестьянская семья добросовестно и с наилучшим результатом трудилась на своём земельном наделе, так как только упорный и разумный труд является основой благосостояния каждого семейства. Дружинники укрепляют в русских людях уверенность в будущем и сплачивают крестьян в их совместной работе под германским управлением».

Достичь этой цели, по мнению оккупантов, можно было, оказывая активное содействие «доблестной германской армии», борясь с «подлыми сторонниками сталинской колхозной системы» - партизанами, охраняя свои села от проникновения в них «жидо-большевистских агентов» и «осуществляя общественный контроль за тем, чтобы все распоряжения германского управления и местных гражданских властей выполнялись точно, добросовестно и к сроку».

В дружину не могли приниматься «пьяницы, лентяи, взяточники, а также члены и кандидаты коммунистической партии и комсомола» [22].

Одной из основных задач, поставленных оккупационными властями перед русской полицией, была поголовная паспортизация населения. Военный комендант Старой Руссы указывал, что «путем проведения поголовной паспортизации и регистрации населения будут дополнительно выявлены нежелательные элементы немцам, а также это облегчит работу полиции и жандармерии по розыску подозрительных лиц - партизан и советских разведчиков» [23].

В октябре 1942 года население Новгородского района получило от немцев годовые паспорта, называвшиеся Временным удостоверением. Выдача проводилась согласно спискам, предоставляемым старостами деревень. Записи в паспортах велись на русском и немецком языках. Советские паспорта было приказано сдать. За выполнением этого приказа следили полицейские, и за его нарушение налагалось наказание - семь месяцев принудительных работ.

Начальники полицейских участков получили указание в кратчайшие сроки создать сеть доверительных людей, с помощью которых они должны были выявлять лиц, враждебно настроенных против немецких оккупантов. Для этой работы рекомендовалось привлекать родственников и знакомых.

В целом контроль за настроением населения и проведение различных пропагандистских акций осуществлялись немецкой администрацией по двум направлениям: через официальных служащих (полицейских, старост, агрономов, волостных старшин, учителей, сочувствующих немецким властям священнослу-

жителей) и через тайных агентов-осведомителей. Последние официально не занимали никаких постов, и в их функции входил сбор информации о наличии и деятельности партизан и подпольщиков, а также «пропаганда шепотом».

Тайные агенты, становясь секретными сотрудниками полиции, давали специальную подписку о своей будущей работе. Текст ее гласил: «Я... даю подписку русской полиции в том, что я добровольно обязуюсь давать сведения, направленные против германского командования и русского самоуправления, хранить в строжайшем секрете военную тайну, нести ответственность по законам военного времени» [24].

После выявления лиц, заподозренных в нелояльности нацистскому оккупационному режиму, полицейские производили их аресты и обыски и препровождали в жандармерию и военную комендатуру, предварительно проводя расследования по поступившим материалам. Для этих целей был создан следственный отдел городской полиции. Комендатура и жандармерия, получив арестованного и материалы на него, решали его судьбу: расстреливали, или отправляли в лагерь, или освобождали.

О своей текущей работе руководство полиции ежедневно отчитывалось перед военной комендатурой, гестапо и бургомистром.

Гитлеровцы организовывали и другие вспомогательные полицейские силы под различными кодовыми названиями. На оккупированной территории Северного Кавказа существовали полицейские группы: «Гиви» (добровольная помощь), «Оди» (внутренняя служба), «Шума» (полицейские). Задача этих групп состояла в оказании содействия оккупационным органам. «Гиви» следовали вместе с войсковыми частями, «Оди» использовались для охраны объектов на местах, «Шума» - для охраны хозяйственных объектов. Солдаты и офицеры вермахта не любили русских полицейских, чинили им всевозможные препятствия. Германское командование вынуждено было издать 8 февраля 1942 года специальный приказ, где указывалось: «Служащие регулярных германских вооруженных сил, виновные в проявлении несправедливых действий против «Гиви», «Оди» и «Шума», будут строго наказаны» [25].

Все эти группы были небольшими по численности и носили временный характер. На службу сюда никто не шел, задачи, поставленные перед полицейскими, выполнялись плохо. Гитлеровцы были вынуждены эти подразделения распустить.

В 1943 году, в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне, нацисты решили создать новую форму организации полицейских служб на оккупированной территории России. Согласно «Особому постановлению по полицейскому делу» структура и организационная работа полиции теперь должна была строиться следующим образом:

1. Gemaind politcai (волостная полиция).
2. Ordnungedinst (стража).
3. Hifsordnungasdist (деревенская стража) [26].

К функциям волостной полиции было отнесено проведение в жизнь распоряжений районного начальника либо бургомистров, например: взыскание установленных ими административных штрафов, надзор по делу регистрации и явки в волостях и прочее. В ее личный состав входили один или два полицейских на каждую волость.

На городскую и сельскую стражу (службу охраны порядка) оккупанты возлагали следующие задачи:

- а) уголовно-полицейские - пресечение и преследование всех уголовных проступков, а также охрана производственных объектов и складов;
- б) государственно-полицейские - раскрытие и преследование всех действий и замыслов, направленных против германских интересов;
- в) по охране общественного порядка - надзор за дисциплиной дорожного и уличного движений, охрана от пожаров, охрана дорог и населённых пунктов от нападений партизан, обеспечение проведения в жизнь хозяйственных задач, надзор за содержанием в чистоте улиц, в пределах более крупных населённых пунктов, караульная служба;
- г) особые задачи - содействие войскам охранения либо непосредственная активная борьба против бандитов, воздушно-десантных войск и парашютистов под руководством местной комендатуры [26].

По мере расширения партизанского движения использование полицейских в борьбе с ним становилось все более неэффективным. Из-за участвовавших случаев переходов на сторону советского сопротивления и низкого боевого духа «полицаев» в 1943 году использовали в основном для проведения различных реквизиций у мирного населения. Так, 26 сотрудников Солецкой гражданской полиции (Ленинградская область) за июль месяц выполнили следующую работу: «Произведено санитарных обходов дворов и улиц 2, изъято крупного рогатого скота от населения по распоряжению хозкомендатуры 67 голов. Рассмотрено различных заявлений 27, по мелким кражам, спорам об имуществе, подвергнуто аресту от 3 до 10 дней за кражи и драки 5 человек» [27].

Оккупанты переключали на русских полицейских выполнение самой грязной работы, в частности, насильственных реквизиций у мирного населения. На выражение протеста представители тыловых служб вермахта «невинно» и возмущенно отвечали: «Вам нечего обижаться на немцев. Мы ничего не берем, а если у вас что забирают, так это ваши же русские» [28].

Городская полиция состояла из нескольких отделов с различными сферами деятельности. Так, во время оккупации города Орла в русскую полицию входило четыре отдела.

Отдел «А» курировал полицейские участки, полицию при театре, при ремесленных производствах, следил за санитарным состоянием в городе, наблюдал за ценами на рынках.

В ведении отдела «Б» находились уголовные дела, проверка политической благонадёжности. Он вёл следствия по делам о растратах городскими служащими или рабочими.

Паспортно-адресный стол носил название «Отдел «В»». К области его работы относилось: составление списков жителей; выдача временных удостоверений личности; свидетельств о поведении; паспортизация; контроль за приезжими и иногородними.

Отдел «Г» занимался вопросами пожарной охраны [29].

Первым полицмейстером города Орла был назначен 19 декабря 1941 года Хопёрсков Ф.Н., затем его сменил Головкин В.И. [30].

Каждый день полицмейстер подавал рапорт о проделанной работе в военную комендатуру, гестапо и бургомистру. Так, например, согласно отчету за 15 февраля 1942 года городская полиция Орла проделала следующую работу:

«1. Отправлено на трудовые работы 527 мужчин и 1010 женщин,

2. Выявление безработных мужчин и женщин и вручение повесток на штрафы за невыход на работы по снегоочистке.

3. Производился учёт и регистрация телег и экипажей на колёсах.

4. Общее наблюдение за соответствующим содержанием в чистоте улиц и домов.

5. Наблюдение за вывозкой мусора и разных нечистот с берега реки Оки.

6. Разбор жалоб граждан г. Орла по имущественно-бытовым вопросам.

7. Производилось дознание по делу Евсеева, обвиняемого в выпiske заведомо неверных нарядов на работы в магазины №№ 1 и 2. По делу допрошены свидетели - Романов М.А., проживающий по Георгиевской улице, д. 43, и Савин И.В., проживающий по Ширококузнечной улице, д. 26.

8. Направлены в комендатуру 6 женщин, уклоняющихся от работ по снегоочистке.

9. Обычная утренняя регистрация работающих по снегоочистке.

10. Общее несение постовой службы» [31].

По распоряжению нацистов в полицейские органы в 1943 году принимались «в политическом смысле надёжные добровольцы из числа мужчин коренного местного населения либо из числа отпущенных военнопленных. Набираются по возможности более молодые и холостые мужчины не моложе 17 лет». Практически во всех положениях о приёме на службу в полицию говорилось о том, что «бывшие комсомольцы и члены коммунистической партии не могут с оружием в руках защищать Россию в рядах русской полиции» [32].

При involucровании в полицейские формирования делалась ставка на тех людей, которые на протяжении длительного времени демонстрировали свою лояльность к немцам. Так, в характеристике, данной старшиной деревни Соловьевым гражданину Мечтанову, поступающему на работу в полицию, отмечалось: «Мечтанов Алексей, бывший военнопленный, два года работал кучером в немецкой части, нареканий не имел, в порочащих связях не замечен, и поэтому считаю, что может работать в Болотовской жандармерии, и любое поручение им будет выполнено» [33].

Полицейские формирования действовали на протяжении всего времени оккупации западных районов нашей страны. Их функции были весьма разноплановыми, но основой их деятельности являлась активная помощь вермахту и гестапо.

Советское сопротивление отлично понимало, что вооруженный полицейский, пользующийся доверием со стороны оккупационных властей, является серьезной силой. Поэтому делалось все, чтобы наиболее активных пособников врага физически уничтожить или дискредитировать в глазах нацистов. Кроме этого, чекисты внедряли свою агентуру в полицейские аппараты, а также способствовали продвижению наших разведчиков к руководству в этих органах.

Среди работников полиции (особенно в 1943 году) широко распространялись листовки, отпечатанные типографским способом, с призывами переходить на сторону партизан. И под Псковом, и под Орлом текст их почти одинаков: «Полицейские! Красная Армия скоро будет здесь. Смывайте с себя позорное пятно, искупайте вину перед Родиной, не бойтесь партизан, а бойтесь немцев. Они вас обманут. Не давайте немцам угонять ваш народ в Германию и увозить добро, срывают мобилизацию, помогайте

населению укрываться от неё, организуйте население - вы вооружены, защищайте население от расправ немецких, перебейте немецких холоуев, вместе с населением и обозами приходите к нам, к партизанам. Если не сможете связаться с нами, действуйте самостоятельно. Смелее на подвиги во имя советской Родины!» [34].

Материалы, адресованные конкретным представителям «службы порядка», часто писались от руки, они обычно были обращены к жителям конкретных деревень и районов. В их написании принимали участие бывшие полицейские, перешедшие на сторону партизан. Их результативность была очень высока. Содержание данных прокламаций наиболее характерно выражено в воззвании «К молодёжи Уторгошского района, поступившей в немецкую полицию». В начале ее полиция напоминали о том, что и они когда-то были советскими людьми: «...Только поэтому мы в последний раз обращаемся к тебе». Далее писалось о том, что настоящий русский человек и патриот не может помогать грабить свою землю чужеземным захватчиком. Но «если тебе это нравится, то радуйся каждому прожитому тобой дню: их осталось немного. Красная Армия и партизаны не щадят предателей!» [35].

Все листовки, обращённые к полицейским, обычно заканчивались словами: «Иди же к партизанам! Иди смело! Принеси оружие. Родина простит тебя, если сам придёшь к ней!». Кроме этого, в конце прокламаций народные мстители часто публиковали списки казнённых ими полицейских, активно сотрудничавших с фашистами [36].

Как позднее вспоминал комиссар пятой партизанской бригады, Герой Советского Союза И.И. Сергунин, «с этими листовками к нам пришли сотни юношей, чтобы с оружием в руках вместе с нами бить фашистских извергов» [37].

По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны личный состав русской полиции оказался расколот. Часть сотрудников с оружием в руках перешла на сторону партизан, убеждённые же противники советской власти вошли в состав РОА.

Оккупанты возлагали на создававшиеся полицейские службы весьма широкий круг задач. На первый взгляд, некоторые из них (борьба с уголовными преступлениями, надзор за дисциплиной дорожного и уличного движений, обеспечение пожарной безопасности и др.) отвечали интересам мирного русского населения. Именно об этом писали многие члены «службы порядка» в последнее десятилетие XX века, объявляя себя «жертвами сталинского режима», добиваясь своей реабилитации.

Но нельзя забывать о том, что все эти функции, с одной стороны, являлись второстепенными в их деятельности, а с другой - в них были также заинтересованы и нацистские оккупационные службы.

При этом главным в работе полиции признавалось раскрытие и преследование всех действий и замыслов, направленных против германских интересов.

Сотрудники полиции с оружием в руках принимали непосредственное участие в борьбе с Советским сопротивлением, помогали немецким военным комендатурам в охране производственных объектов и складов.

Большинство полицейских никак нельзя назвать идейными противниками советской власти. Некоторые люди были вовлечены обманом, но многие согласились надеть полицейские знаки отличия из-за сиюминутных, корыстных побуждений. Именно поэтому, как только наметился перелом в войне в пользу Советского Союза, они стали в массовом порядке переходить на сторону партизан, пытаясь таким образом искупить свою вину перед Родиной.

Многие из них, не сделавшие этого, позднее были выявлены советскими органами государственной безопасности. Они понесли заслуженное наказание за свои преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее - ГАНИНО), Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 34 - 35.
2. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Новгородской области (далее - АУФСБНО). Д. 1/7187. Л. 41.
3. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 36 - 38.
4. АУФСБНО. Д. 43689. Л. 85.
5. Там же. Д. 1/6995, Т. 1. Л. 23.
6. Там же. Л. 46.
7. Там же. Д. 43689. Л. 3.
8. Там же. Л. 30.
9. Там же. Л. 87.

10. Там же. Л. 20.
11. Там же. Л. 75.
12. Служба регистрации архивных фондов Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее - СРАФ УФСБ СПбЛО), Арх. № 19344. Материалы о немецких разрушениях и зверствах, о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 110.
13. Государственный архив Брянской области (далее - ГАБО). Ф. 2521. Оп. 1. Д.3.Л.30
14. Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха. -М., 2004. - С. 283.
15. ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
16. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Смоленской области (далее - АУФСБСО). Д. 17665. Л. 87.
17. Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
18. АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 2.
19. АУФСБСО. Д. 14565. Л. 127.
20. Государственный архив Новгородской области (далее - ГАНО). Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 - 7.
21. Там же. Л. 4.
22. Государственный архив Орловской области (далее - ГАОО). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 25. Л. 2 - 3.
23. АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 42.
24. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Орловской области (далее - АУФСБОО). Ф. 11. Оп. 1, портфель 2. Об особенностях немецкого военно-административного режима и возможностях нашей агентурной работы в оккупированных районах Орловской области и некоторых районах других областей: Справка. Л. 29.
25. Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941 - 1944). - М., 1976. - С. 85.
26. ГАОО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3д. Л. 2.
27. ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
28. Государственный архив Смоленской области (далее - ГАСО). Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
29. ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.
30. Там же. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
31. Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
32. Там же. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3д. Л. 2.
33. ГАНО. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
34. ГАОО. Ф. 1283. Оп. 1а. Д. 33а. Л. 16.
35. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 602. Л. 25.
36. Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
37. Сергунин И.И. Давали клятву партизаны. - Л., 1985. - С. 307.